

Научная статья

УДК 821

DOI 10.17223/18137083/91/4

Живописание интерьера в творчестве И. А. Гончарова

Кристина Константиновна Павлович

Томский государственный университет

Томск, Россия

pavlovitch.cristina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4364-9120>

Аннотация

Предлагается опыт изучения живописания интерьера во всём творческом наследии И. А. Гончарова. Интерьер как один из междисциплинарных жанров становится у писателя важной повествовательной деталью, связанной с чертами фламандского изобразительного искусства. Указывается, что интерьер в структуре художественных текстов Гончарова призван выполнять различные функции. Доказывается, что интерьер важен для портретного жанра. Значимым становится анализ сближения поэтики некоторых гоголевских интерьеров и описаний внутренних убранств в «Обломове». Во «Фрегате «Паллада»» обращение к «дому» вырастает до сверхзамысла: показать национальные образы как единство в системе цивилизационного прогресса, подчеркнуть индивидуальность каждого народа, его истории и культуры сквозь призму интерьерной художественной детали.

Ключевые слова

И. Гончаров, литературный интерьер, живописание, поэтика, синестезия, диалог искусств, экфрасис

Для цитирования

Павлович К. К. Живописание интерьера в творчестве И. А. Гончарова // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 52–63. DOI 10.17223/18137083/91/4

Interior depiction in the work of Ivan Goncharov

Kristina K. Pavlovich

Tomsk State University

Tomsk, Russian Federation

pavlovitch.cristina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4364-9120>

Abstract

The paper presents the first attempt to study the system of interior depiction in the entire creative heritage of Ivan Goncharov. Depiction represents a philosophical and aesthetic system founded on synthesis as the primary artistic strategy, characterized by the incorporation of artistic traditions from verbal and visual arts, culminating in the theory of epicization as pro-

© Павлович К. К., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 52–63

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 52–63

posed by Goncharov. The interior, categorized as an interdisciplinary genre, constitutes a key narrative element for the writer, showcasing traits of Flemish artistic traditions. The interiors depicted in Goncharov's works are found to play a variety of roles, including chronotopic, plot-forming, characterological, decorative, and compositional functions. This study analyzes texts from both early works and the "Frigate Pallada" travelogue trilogy, focusing on descriptions of interiors. The interior is proved to be significant for the portrait genre. It becomes crucial to examine the interplay between the poetic treatment of interiors in Gogol's work and the depictions of interior spaces in Oblomov. Within "Frigate Pallada," the concept of "home" evolves into a super-concept: to portray a unified national identity within the context of civilizational advancement, emphasizing the individuality of each nation's history and culture through detailed artistic depictions. The descriptions of interiors are demonstrated to be meaningfully connected to the inner lives of the characters inhabiting the chronotopes. This article examines the distinctive characteristics of Goncharov's artistic representation, focusing on the multifaceted functions of interior spaces in his works.

Keywords

I. Goncharov, literary interior, depiction, poetics, synesthesia, dialogue of arts, ekphrasis

For citation

Pavlovich K. K. Interior depiction in the work of Ivan Goncharov. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 52–63. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/4

Литературный интерьер является междисциплинарным жанром, он связан с изображением реальной действительности («Интерьер как жанр живописи тесно связан с жизненными процессами» [Грехова, 2011, с. 132]). И. С. Судосева определяет литературный интерьер как «семиотическую систему вербально репрезентированных артефактов, упорядоченных в некотором жилом пространстве мира героев» [Судосева, 2013, с. 24]. В художественной системе живописания Гончарова интерьер становится важной повествовательной деталью, дополняющей основные миромоделирующие принципы Гончарова.

Литературный интерьер в современном отечественном литературоведении – явление недостаточно изученное, что подтверждается немногочисленными исследованиями [Малетина, 2006, с. 103; Шамсутдинова, 2010].

Знаковой работой в проблеме определения значения интерьерных описаний в художественном тексте явилась кандидатская диссертация И. С. Судосевой «Поэтика интерьера в художественной прозе» [2016], в которой впервые было предпринято целостное осмысление феномена интерьера в литературе. По мнению автора, интерьер как полифункциональная единица обладает тремя функциями: декоративной, характерологической и хронотопической. Особо стоит отметить современные работы, посвященные проблеме синтеза искусств. Например, в монографии «Imagoinfabula. Интрадигетический образ в литературе и кино» «...исследуется повествовательность, а стало быть, текстуальность художественных произведений, каждое из которых вписано в сеть интертекстуальных перекличек и реминисценций, связывающих его с другими фактами культуры – вербальной и визуальной» [Зенкин, 2023, с. 33]. В западных исследованиях русистики знаменательна работа Молли Брансон «Русские реализмы. Литература и живопись, 1840–1890», в которой американский исследователь проводит параллели между русской реалистической живописью и литературой, указывая на особую роль «...голландской жанровой живописи XVII века, реалистической традиции, которая прежде всего была нацелена на изображение повседневной жизни» [Брансон, 2022, с. 66].

Развитие интерьера как жанра живописи расцвело в эпоху фламандского изобразительного искусства. Важной эстетической доминантой голландских художников явилось подробное воссоздание быта, окружающих вещей.

Синестезия искусств заняла значительное место в творчестве И. А. Гончарова. «Фламандство» писателя, очевидно, имело пушкинскую традицию («фламандской школы пестрый сор» (Пушкин, 1937, с. 201)). Понятие «фламандская школа» в середине XIX в. становится, по мысли Е. И. Вожик, «ёмкой формулой», содержащей отношение писателей к разным способам воспроизведения действительности, «описательной стратегией» [Вожик, 2024, с. 71] при воссоздании «высокого» и «настоящего».

Во всех романах, очерках и зрелых публицистических работах И. А. Гончаров сближал разные формы искусства в пределах одного художественного текста. Например, в романе «Обрыв» (1869), который, по признанию самого Гончарова, имел первоначальное название «Художник», встречается множество аллюзий на живописные, музыкальные темы. Главный герой Райский пробует себя в литературном деле (пишет роман) и занимается скульптурой. Живописание как основополагающий эстетический прием базируется у Гончарова на взаимодействии разных жанров изобразительного искусства (пейзаж, марина, портрет, натюрморт и интерьер). Интерьер в произведениях автора выполняет несколько функций: хронологическую, сюжетообразующую, характерологическую, декоративную, композиционную.

Примечательно, что первое интерьерное описание в творчестве Гончарова оказывается связанным с трансляцией живописного кода. Внимание героя повести «Счастливая ошибка» (1839) привлекла картинная галерея, представленная лучшими образцами итальянской живописи:

«Вот и картинная галерея!» – И, направляя лорнет на картины, он ахнул: тут были произведения итальянской кисти всех школ, почти всех знаменитых художников, в оригиналах (Гончаров, 1997, т. 1. с. 92) ¹, –

декоративная функция, сочетающаяся с характерологической, так как дает представление об эстетическом чувстве и вкусе героя. Эта незначительная на первый взгляд деталь указывает на предпочтения Гончарова в изобразительном искусстве, что составляет одну из эстетических основ живописания писателя.

Первую (хронологическую) функцию можно обнаружить в очерке «Иван Савич Поджабрин» (1848), где повествователь представляет типичный для того времени интерьер:

Квартира Анны Павловны была убрана, как убирают почти все квартиры о двух комнатах, с передней и кухней. Диван красного дерева, обитый полинялой шерстяной материей с пятнами, другой клеенчатый диван, полдюжины стульев под красное дерево, старый комод, а на нем туалет, который, в случае нужды, легко можно переносить с места на место. На окнах несколько горшков гераниума и две клетки с канарейками (т. 1, с. 191).

Декоративная функция гончаровского интерьера связана с описанием барского дома в этой же повести:

¹ Далее произведения И. А. Гончарова цитируются по его Полному собранию сочинений и писем в 20 томах с указанием номера тома и страницы в круглых скобках.

Зала была обита белыми обоями с светло-дикими арабесками. Ничего лишнего. По стенам дюжины две легких, грациозной формы стульев белого дерева. Два огромных зеркала, у окон – те прекрасные корзины на тумбах, о которых говорила Маша, да великолепные драпри, которые он сам видел с улицы. В гостиной было всё богаче, роскошнее. Темная резная мебель. На столе бронза, часы на мраморном пьедестале, несколько картин, два или три бюста, вазы (т. 1, с. 140).

В романной трилогии Гончарова в основном задействованы характерологическая и сюжетообразующая, композиционная функции. В «Обыкновенной истории» (1847) (романе, содержащем наименьшее количество интерьеров), в фантазиях Александра Адуева интерьерное описание оказывается связано с особым экстерьером: «...где в изящно убранной зале благоухают цветы, раздаются звуки фортепиано, в клетке прыгает попугай, а в саду качают ветвями березы и кусты сирени» (т. 1, с. 251), что указывает на романтическую экзальтированность молодого барина, стремящегося в своих мыслях на малую родину.

В книге путевых очерков «Фрегат “Паллада”» (1858) Гончаров создает «портреты пространства», выявляя в них каждый раз национальные черты. Внимание Гончарова к интерьеру было обусловлено важной художественно-эстетической задачей – показать национальную доминанту образов через детали.

В 1853 г. Гончаров вместе с членами экспедиции посещает первую голландскую колонию в Южной Африке. Глава «Капская колония» демонстрирует пристальный интерес путешественника к истории, этнографии и быту поселенцев. При знакомстве с интерьером одного из домов на Капе повествователь прямо соотносит увиденное с сюжетом художников Фландрии:

Мы вошли в пустые, прохладные комнаты, убранные просто, почти бедно. Мы отворили дверь из залы и остановились на пороге перед оригинальной картиной фламандской школы (т. 2, с. 183).

Примечательно, что объектом интерьерного живописания становятся именно «дедовские» дома, навевающие патриархальную атмосферу (близкую к описаниям в трилогии провинциальных усадеб: Грачи – Обломовка – Малиновка). Автор-повествователь посредством описания объектов (дверь, пол, потолок и т. д.) и их деталей («совершенно почерневшими от времени шкапами», «диван, отчасти с провалившимся сиденьем») воссоздает реальную картину пространства. Художественные «мелочи» в интерьере Гончарова призваны подчеркнуть простоту, «почти бедность» увиденного помещения, его близость к провинциальному русскому дому:

Комната была высокая, с деревянным полом, заставлена ветхими деревянными, совершенно почерневшими от времени шкапами и разной домашней утварью. У стены стоял диван, отчасти с провалившимся сиденьем; перед ним круглый стол, покрытый грубой скатертью; кругом стен простые скамьи и табуреты (т. 2, с. 183).

Следующий визит к голландскому дому вновь оказывается связанным с портретом:

На пороге стоял высокий, с проседью, старик, с нависшими бровями, в длинной суконной куртке, закрывавшей всю поясницу, почти в таком же

длинном жилете, в широких нанковых, падавших складками около ног панталонах (т. 2, с. 190).

Автор прямо соотносит увиденное с фламандской атмосферой, упоминая имена знаменитых художников этой школы:

От дома и от него так и повеяло Поль Поттером, Миерисом, Теньером (т. 2, с. 190).

По замечанию повествователя, хозяин «смотрел так кротко и ласково», что Гончаров вспомнил о своих юношеских мечтах:

Наконец мы у голландского фермера в гостях, на Капе, в Африке! Сколько описаний читал я о фермерах, о их житье-бытье; как жадно следил за приключениями, за битвами их с дикими, со зверями, не думая, что когда-нибудь... (т. 2, с. 190).

Интерьер как неотъемлемая часть фламандской бытовой живописи в данном фрагменте является дополнением к образу портретной характеристики.

Как истинный художник Гончаров уделяет особое внимание световым акцентам. В гостиной, куда он входит, «царствовал полумрак». Повествователь, «оглядывая» всё помещение, детально изображает разные объекты:

По углам гнездились тяжелые, но красивые старинные диваны и кресла; посредине комнаты группировались крытые штофом козетки; не было уже шкапов и посуды. У окон и дверей висели плотные шелковые драпри из материй, каких не делают нынче; чистота была невероятная: жаль было ступать ногами по этим лакированным полам (т. 2, с. 190).

Неяркая роскошь быта в интерьерах Гончарова соседствует с достоинством деталей, прямо навевающих внимательному читателю аллюзии на фламандцев.

Путешествуя в экипаже, Гончаров издалека замечает «большой двухэтажный, очень красивый дом с высоким крыльцом и закрытыми жалюзи» (т. 2, с. 218). Третий по счету голландский дом путешественник сознательно не описывает, только замечает, что «...негр открыл жалюзи и ввел нас в чистую большую гостиную, убранную по-старинному, в голландском вкусе, так же как на мызе Эльзенборг» (т. 2, с. 218). Таким образом, под «голландским стилем» [Павлова, 2009, с. 285] Гончаровым понимается особая патриархальная обстановка дома, элементы интерьера: двери, камин, окна, лестницы, декоративная отделка потолка, полов и национальная специфика, проявившаяся в выборе декорирования стен картинами бытовых сцен. Исторически сложившаяся традиция в голландском изобразительном искусстве «украшать» помещение выражается в том, что на стенах любого дома висят картины («По стенам висели картинки с видами мыса Доброй Надежды. Всё не только чисто, прилично прибрано, но со вкусом и комфортом» (т. 2, с. 134); «Яичница, ветчина и картинки в деревянных рамах опять напомнили мне наше станции» (т. 2, с. 175); «На картинах охота: слон давит ногой тигра, собаки преследуют барса» (т. 2, с. 379)).

Интерьеры в книге очерков важны для представления «портрета» наций, знакомства автора-повествователя с бытом людей. Повествователь очерков с большим вниманием относится к пространственным характеристикам, в цвете и деталях живописует интерьеры разных домов, что связано как с характерологической функцией, так и с хронотопической.

Центральный с точки зрения значения интерьера роман «Обломов» (1859) буквально с первых страниц представляет читателю внутреннее убранство квартиры на Гороховой улице, где «лежал утром в постели <...> Илья Ильич Обломов» (т. 4, с. 5).

Петербургская квартира Обломова, его кабинет эмблематичны и созвучны внутреннему миру героя, его характеру. Знаменитое интерьерное описание связано, с одной стороны, с характерологией, с другой – с композицией романа, его художественной идеей – от сна к пробуждению и засыпанию вновь. Поэтика визуальности пронизывает весь фрагмент, в котором в мельчайших подробностях («Там стояло бюро красного дерева, два дивана, обитые шелковой материей, красивые ширмы с вышитыми небывалыми в природе птицами и плодами. Были там шелковые занавесы, ковры, несколько картин, бронза, фарфор и множество красивых мелочей» (т. 4, с. 6)) в духе канонического к тому времени гоголевского описания дорожной шкатулки Чичикова, в мельчайших деталях воссоздается «портрет» героя.

Гончаров замечает, что комната Обломова «с первого взгляда казалась прекрасно убранною» (т. 4, с. 6). Для ее хозяина было важно «соблести decorum» (т. 4, с. 6), однако «видящий глаз» [Бахтин, 1979, с. 207] автора замечает «господствующую <...> запущенность и небрежность» (т. 4, с. 6), например:

Задок у одного дивана оселся вниз, наклеенное дерево местами отстало <...> (т. 4, с. 6).

Предметы интерьера, призванные украшать жилое пространство, такие как картины, зеркала, ковры, мягкая мебель, в гончаровском описании нарочито снижены, «не прибраны»:

По стенам, около картин, лепилась в виде фестонов *паутина, напитанная пылью*; зеркала, вместо того чтоб отражать предметы, могли бы служить скорее *скрижалями для записывания на них, по пыли, каких-нибудь заметок на память*. Ковры были *в пятнах*. На диване лежало *забытое полотенце*; на столе редкое утро не стояла *не убранная от вчерашнего ужина тарелка с солонкой и с обглоданной косточкой да не валялись хлебные крошки* (здесь и далее курсив наш. – К. П.) (т. 4, с. 7).

Далее во фламандской манере происходит соединение «высокого» (книги, чернильница, перья) и «низкого» («книги покрылись пылью и пожелтели <...> а из чернильницы, если обмакнуть в нее перо, вырвалась бы разве только с жужжаньем испуганная муха» (т. 4, с. 7)). Гоголевский образ-символ мухи входит в гончаровский текст как явление пошлости, скуки, обыденности. Здесь есть прямая аллюзия на текст поэмы «Мёртвые души», когда Чичиков, оказавшись в доме Плюшкина, обозревая беспорядок, замечает «чернильницу с какою-то заплесневшею жидкостью и множеством мух на дне» (Гоголь, 1956, с. 420). По справедливому замечанию П. Н. Толстогузова, «...муха как натуралистическая деталь соответствует той эстетической концепции раннего, синтетического реализма первой половины XIX века, которую определяли как фламандщину» [Толстогузов, 2017, с. 122]. Атмосфера сна, остановившейся жизни в обломовской квартире вновь оказывается созвучной гоголевским интерьерам помещичьего дома Манилова, описаниям вещей: «В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года» (Гоголь, 1956, с. 25). Находим у Гончарова:

На этажерках, правда, лежали две-три развернутые книги, валялась газета, на бюро стояла и чернильница с перьями; *но страницы, на которых развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтели; видно, что их бросили давно; нумер газеты был прошлогодний* (т. 4, с. 7).

Интерьеры Обломова полностью подчеркивают состояние «сна» – «так всё запылилось, полиняло и вообще лишено было живых следов человеческого присутствия» (т. 4, с. 7).

Именно на примере живописания предметного мира Гончаров раскрывает особенности пробуждения-преображения героя, когда, испытывая чувства к Ольге, «он велел вынести вон несколько дрянных картин, которые навязал ему какой-то покровитель бедных артистов; сам поправил штору, которая давно не поднималась, позвал Анисью и велел протереть окна, смахнул паутину» (т. 4, с. 191).

В художественной логике писателя домовитая Пшеницына уподобляется обломовским женщинам, проводящим время на кухне («Но главною заботою была кухня и обед» (т. 4, с. 110)). Описание Гончаровым «кухни <...> истинного палладиума деятельности великой хозяйки» (т. 4, с. 470) имеет экфрастическую модель, аллюзивно напоминая знаменитый щит Ахилла. И. В. Пырков справедливо отмечает, что «...когда читаешь “Сон Обломова”, сопоставляешь его со щитом гомеровской выковки» [Пырков, 2003, с. 67]. Во «Сне...» ученый обнаруживает черты гомеровского слога, который проявляется во «вникании во все мельчайшие подробности, с намечающейся трехмерностью изображения» [Там же]. Однако элементы экфрастического описания, гомеровскую поэтику можно обнаружить и при описании кухни жены Обломова. Как и на щите, где изображен быт, а именно сцена, в которой женщины просеивают муку, чтобы накормить мужчин («В жертву заклавши вола, вокруг него суетятся; а жены / Белую сеют муку для сладостной вечери жнушим» (Гомер, 1960, с. 302)), в интерьерном описании Гончарова живописуется хозяйственная утварь:

Кухня, чуланы, буфет – всё было установлено поставцами с посудой, большими и небольшими, круглыми и овальными блюдами, соусниками, чашками, грудами тарелок, горшками, чугунными, медными и глиняными (т. 4, с. 469).

В одном из писем Гончарова содержится оценка манеры древнего экфрасиса, из которой становится очевидным внимание писателя к реалистическому изображению повседневного труда: «Какая правда в живописи деталей: в пирах, в битвах, в описаниях ран, до мелочных описаний домашней жизни...» (т. 4, с. 480). Таким образом, интерьер в центральном романе Гончарова демонстрирует характерологическую и сюжетообразующую (композиционную) функции. Поэтика описаний вещей в помещениях оказывается родственной гоголевской манере, его символическим лейтмотивам.

В «Обрыве» (1869) согласно движению авторской мысли, проходящей сквозь все романы, которые «последовательно связаны между собою, как связаны отразившиеся в них, как в капле воды, периоды русской жизни» (Гончаров, 1955, с. 69), особое значение имеет топос дома (усадьбы) [Глазкова, 2008].

Одним из первых в романе появляется интерьер роскошного дома Пахотиных, который посещает Райский с целью «пробудить жизнь» в дочери хозяина дома Софье Беловодовой. Имение, состоящее из «бесконечных анфилад» с «тёмными, тяжелыми резными шкафами со старым фарфором и серебром», напоминает герою «саркофаг» (т. 7, с. 17). В данном случае пространство, в котором живут Па-

хотины, раскрывает особенности их характеров, чинных и благородных натур, живущих в роскоши и, по мнению героя, далеких от реальной жизни, которая проходит за стенами богатых интерьеров. Первый интерьер в «Обрыве» своим содержанием задает дальнейшую логику в использовании описаний пространств, а именно характеристику тех, кто в них живет. Комната женщины-статуи Беловодовой украшена цветами, но автор с помощью художественной детали отмечает, что и они (цветы) «стояли в тяжелых, старинных вазах, точно надгробных урнах» (т. 7, с. 18). С долей иронии, в свойственной ему манере, Гончаров, создавая портреты двух старых сестер Пахотиных, отмечает их педантичность, чрезмерную аккуратность, присущую людям «старого века». Автор пишет:

Да и тетки не могли видеть беспорядка: чуть цветы раскинутся в вазе прихотливо, входила Анна Васильевна, звонила девушку в чепце и приказывала собрать их в симметрию (т. 7, с. 18).

Сестры, как и их племянница Беловодова, закрывались от жизни в темных богатых комнатах. Метафорически Гончаров передает это при обращении к интерьеру:

...если западал слишком вольный луч солнца и играл на хрустале, на зеркале, на серебре, – Анна Васильевна находила, что глазам больно, молча указывала человеку пальцем на портьеру, и тяжелая, негнущаяся шелковая завеса мерно падала с петли и закрывала свет (т. 7, с. 18).

Описания жилого помещения самого Пахотина, которого Гончаров называет «Пальмерстоном», придавая важность его фигуре, с одной стороны, оказываются под стать владельцу имения («Подле тяжелого буля стояла откидная кушетка от Гамбса, высокий, готический камин...» (т. 7, с. 18)), с другой – интерьер хозяина дома дополняется рядом деталей, которые указывают на его «жизненность». Так, камин «прикрывался ширмами с картинами фоблазовских нравов» (т. 7, с. 18), что подчеркивает донжуанство героя, кроме этого «...на столах часто утро заставало остатки ужина, на диване можно было найти иногда женскую перчатку, ботинку» (т. 7, с. 18), что выдает в героя обломовские черты.

Столичный дом Пахотиных противопоставлен имению в Малиновке. Первые описания «Эдема» сразу же связываются с домом Бережковой. В отличие от больших и мрачных комнат Пахотиных, в родовом имении Райского «комнатки маленькие, но уютные» (т. 7, с. 60), образ пенат главного героя складывается из постоянных отсылок к его роду, вещам, которые принадлежали семье («со старинной, взятой из большого дома мебелью дедов, дядей <...> печи обложены пестрыми, старинными, тоже взятыми из большого дома изразцами» (т. 7, с. 60)). Как и при описании убранства дома Пшеницыной, в убранстве малиновского дома Гончаров использует перечисление разнородных предметов («На виду красовались старинные саксонские чашки, пастушки, маркизы, китайские уродцы, боцкообразные чайники, сахарницы, тяжелые ложки. Кругленькие стулья, с медными ободочками и с деревянной мозаикой столы, столики жались по уютным уголкам» (т. 7, с. 60)), создающих атмосферу домашнего очага, которого Райскому не хватало в Петербурге. Хранительница многовековых устоев Бережкова рисуется автором в кабинете, где стояло старое бюро с зеркалом. Гончаров с легким юмористическим оттенком отмечает ироничность бабушки, которая завешивала это зеркало, говоря: «Мешает писать, когда видишь свою рожу напротив» (т. 7, с. 60).

Совершенно иными предстают интерьеры старого дома, в котором Вера живет одна, именно он является бывшим имением родителей Райского. Бабушка и Марфенька проживают в новом доме, построенном Бережковой после. Примечательно, что «улыбающиеся портреты» родителей главного героя были перенесены в новый дом, а в старом «...по стенам портреты: от них не уйдешь никуда – они провожают всюду глазами» (т. 7, с. 76). Они кажутся читателю пустыми и обезличенными, так как про них автор упоминает в контексте представления интерьера старого дома с «мрачными, закоптевыми гостинными» (т. 7, с. 76).

Райский, пытаясь разгадать Веру, приходит в заброшенный дом, в котором видит «закутанные в чехлы две статуи, как два привидения...», соотносящиеся с героиней («Вера – статуя!» (т. 7, с. 621)), которая до определенного момента была загадочна и холодна. Ее молодость проходит в доме, который Райский застаёт в запустении. Мебель кажется герою удручающей: «...громоздкая кровать в спальне стояла, как пышный гроб, покрытый глазом. Райский с трудом представлял себе, как спали на этих катафалках: казалось ему, не уснуть живому человеку тут <...> Весь дом пропитан пылью и пустотой» (т. 7, с. 76). Эти описания явно противопоставлены дому, в котором живет бабушка.

Пространство комнаты Марфеньки олицетворяет ее саму, ту непринужденную легкость, чистоту, которую сразу замечает в ней главный герой, противопоставляя ее светлую натуру таинственному внутреннему миру Веры:

В ее комнате было всё уютно, миниатюрно и весело. Цветы на окнах, птицы, маленький киот над постелью, множество разных коробочек, ларчиков, где наплетано было всякого добра, лоскутков, ниток, шелков, вышиванья: она славно шила шелком и шерстью по канве (т. 7, с. 232).

Героиня занимается рукоделием, поэтому в ее комнате автор тщательно прописывает миниатюрные вещи, указывающие на особенности внутреннего мира, «портрета» героини. По подробности внутреннего убранства становится очевидна тонкость натуры младшей внучки Бережковой – она близка к миру природы и окружает им себя в быту.

Таким образом, интерьер в пространстве художественных текстов И. А. Гончарова связан с базовыми функциями литературных описаний внутренних пространств: сюжетообразующая, композиционная, декоративная, характерологическая, хронотопическая. От самых ранних повестей до последнего романа, относящегося к шестидесятым годам XIX в., Гончаров окружает своих героев вещами, которые отражают особенности их внутреннего мира. Интерьеры – своеобразные зеркала, художественно преломляющие характеры героев, идеи автора. В начале творческого пути интерьер у Гончарова был связан с декоративной и хронотопической функциями. Уже в романной трилогии интерьер как часть хронотопа выполняет сюжетообразующую, а в случае с «Обломовым» и «Обрывом» и композиционную роль. В книге путевых очерков «Фрегат “Паллада”» характерологическая функция интерьера (не только домов и квартир) вырастает до символической, представляет «портрет» разных национальных культур.

Список литературы

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 423 с.

Брансон М. Русские реализмы. Литература и живопись, 1840–1890 / Пер. с англ. Е. Гавриловой. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2022. 399 с.

Вожик Е. И. «Вечные фламандцы»: язык описания фламандской живописи в 1830–1850-х гг. // Словесность и история. 2024. № 1. С. 54–80.

Глазкова М. В. «Усадебный текст» в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. А. Фет: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 17 с.

Грехова М. С. Изображение интерьеров в русском изобразительном искусстве первой половины XIX века // Ценности и смыслы. 2011. № 6 (15). С. 132–140.

Зенкин С. Imago infabula: Интрадиегетический образ в литературе и кино. М.: НЛЮ, 2023. 624 с.

Малетина О. А. Пейзаж и интерьер как разновидности жанра «описание» в художественном дискурсе // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2006. Вып. 5. С. 103–110.

Павлова Ю. Б. Национальное своеобразие интерьера голландского бюргерского дома XVII столетия: Дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2009. 285 с.

Пырков И. В. «Сон Обломова» и «Щит Ахилла» (Гомеровские мотивы в поэтике И. А. Гончарова) // Гончаров И. А.: Материалы Междунар. конф., посвящ. 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 66–72.

Судосева И. С. Функции литературного интерьера // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 20 (121). С. 24.

Судосева И. С. Поэтика интерьера в художественной прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 24 с.

Толстогузов П. Н. Муха в гоголевском тексте // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. 2017. № 1 (26). С. 121–125.

Шамсутдинова М. Ф. «Портрет дома» в характерологии автобиографической трилогии Л. Н. Толстого // Вестник Башкир. ун-та. 2010. Т. 15, № 3. С. 705–709.

Список источников

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Т. 6: Мертвые души. [Ч.] 1 / [Ред. Н. Ф. Бельчиков и др.]. СПб., 1951. 924 с.

Гомер. Илиада и Одиссея / Пер. Н. И. Гнедича. М.: ГИХЛ, 1960. 438 с.

Гончаров И. А. Лучше поздно, чем никогда (Критические заметки) // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 8: Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. С. 64–113.

Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: Обыкновенная история; Стихотворения; Повести и очерки; Публицистика, 1832–1848. 829 с.

Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 2: Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия: В 2 т. 745 с.

Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 1998. Т. 4: Обломов: Роман в четырех частях / Текст подгот. Т. И. Орнатская; ред. тома В. А. Туниманов (гл. ред.). 496 с.

Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 7: Обрыв: Роман в пяти частях / Подгот. текста Т. И. Орнатская (при участии А. Ю. Балакина); ред. тома Т. А. Лапицкая, В. А. Туниманов (гл. ред.). 776 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 6. 700 с.

References

- Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979, 423 p.
- Branson M. *Russkie realizmy. Literatura i zhivopis', 1840–1890* [Russian realisms. Literature and painting, 1840–1890]. E. Gavrilova (Transl. from English). Boston, St. Petersburg, Academic Studies Press., Bibliorossika, 2022, 399 p.
- Glazkova M. V. “Usadebnyy tekst” v russkoy literature vtoroy poloviny 19 veka: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. A. Fet [“Estate text” in Russian literature of the second half of the 19th century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. A. Fet]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2008, 17 p.
- Grekhova M. S. Izobrazhenie inter'ero v russkom izobrazitel'nom iskusstve pervoy poloviny XIX veka [Depiction of interiors in Russian fine art of the first half of the 19th century]. *Values and meanings*. 2011, no. 6 (15), pp. 132–140.
- Maletina O. A. Peizazh i inter'er kak raznovidnosti zhanra “opisanie” v khudozhestvennom diskurse [Landscape and interior as varieties of the “description” genre in artistic discourse]. *Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research*. 2006, iss. 5, pp. 103–110.
- Pavlova Yu. B. *Natsional'noe svoeobrazie inter'era gollandskogo biurgerskogo doma 17 stoletiya* [National originality of the interior of a Dutch burgher house of the 17th century]. Cand. arts sci. diss. St. Petersburg, 2009, 285 p.
- Pyrkov I. V. “Son Oblomova” i “Shchit Akhilla”: (Gomerovskie motivy v poetike I. A. Goncharova) [“Oblomov's Dream” and “Achilles' Shield”: (Homeric motifs in the poetics of I. A. Goncharov)]. In: *Materialy Mezhdunar. konf., posvyashch. 190-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova* [Proceedings of the International Conference dedicated to the 190th anniversary of the birth of I. A. Goncharov], Ulyanovsk, Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya, 2003, pp. 66–72.
- Shamsutdinova M. F. “Portret doma” v kharakterologi i avtobiograficheskoy trilogii L. N. Tolstogo [“Portrait of a House” in the characterology of the autobiographical trilogy by L. N. Tolstoy]. *Bulletin of Bashkir University*. 2010, vol. 15, no. 3, pp. 705–709.
- Sudoseva I. S. Funktsii literaturnogo inter'era [Functions of a literary interior]. *RSUH Bulletin. Series: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*. 2013, no. 20 (121), 24 p.
- Sudoseva I. S. *Poetika inter'era v khudozhestvennoy proze* [Poetics of the interior in fiction]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2016, 24 p.
- Tolstoguzov P. N. Mukha v gogolevskom tekste [The fly in Gogol's text]. *Vestnik PGU im. Sholom-Aleykhema*. 2017, no. 1 (26), pp. 121–125.
- Vozhik E. I. “Vechnye flamandtsy”: yazyk opisaniya flamandskoy zhivopisi v 1830–1850-kh gg [“Eternal Flemings”: the language of description of Flemish painting in the 1830s–1850s]. *“Texts and History” (Slovesnost' i istoriya)*. 2024, no. 1, pp. 54–80.
- Zenkin S. *Imago in fabula: Intradiegeticheskiy obraz v literature i kino* [Imago in fabula: Intradiegetic image in literature and cinema]. Moscow, NLO, 2023, 624 p.

List of sources

- Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch.* [Complete collected works]. USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Literature (Pushkin House). N. F. Bel'chikov et al. (Ed.), 1951, vol. 6: Mertvye dushi [Dead Souls]. Pt. 1. 924 p.
- Goncharov I. A. Luchshe pozdno, chem nikogda: (Kriticheskie zametki) [Better late than never: (Critical notes)]. In: Goncharov I. A. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected works: In

8 vols.] Moscow, GIKhL, 1955, vol. 8: Stat'i, zametki, retsenzii, avtobiografii, izbrannye pis'ma [Articles, notes, reviews, autobiographies, selected letters], 1955, pp. 64–113.

Goncharov I. A. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka, 1997, vol. 1: Obyknoennaya istoriya; Stikhotvoreniya; Povesti i ocherki; Publitsistika [Ordinary history; Poems; Stories and essays; Journalism], 1832–1848, 829 p.

Goncharov I. A. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka, 1997, vol. 2: Fregat "Pallada": Ocherki putesthestviya: V 2 t. [Frigate "Pallada": Sketches of the journey: in 2 vols.]. 745 p.

Goncharov I. A. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka, 1998, vol. 4: Oblomov: Roman v chetyrekh chastyakh [Oblomov: A novel in four pts]. T. I. Ornatskaya (Prep. of the text); V. A. Tunimanov (Ed.). 496 p.

Goncharov I. A. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka, 2004, vol. 7: Obryv: Roman v pyati chastyakh [The Precipice: A novel in five parts]. T. I. Ornatskaya and A. Yu. Balakin (Prep. of the text); T. A. Lapitskaya, V. A. Tunimanov (Eds.). 776 p.

Homer. *Iliada i Odisseya* [Iliad and Odyssey]. N. I. Gnedich (Transl.). Moscow, GIKhL, 1960, 438 s.

Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: V 16 t.* [Complete works in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1937, vol. 6, 700 p.

Информация об авторе

Кристина Константиновна Павлович, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского государственного университета (Томск, Россия)

Information about the author

Kristina K. Pavlovich, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 27.09.2024;

одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 28.11.2024

The article was submitted on 27.09.2024;

approved after reviewing on 28.11.2024; accepted for publication on 28.11.2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2